

Разсказъ очевидца о Шамилѣ и его современникахъ.

Годъ тому назадъ я случайно познакомился въ Тифлисѣ съ шуриномъ Шамиля (онъ же и зять) г. Абдуррахимомъ ¹⁾. Одна изъ женъ Шамиля сестра Абдуррахима, по имени Загидать, самъ же Абдуррахимъ былъ женатъ на дочери Шамиля Фатимать, давно уже скончавшейся. Кромѣ этой кровной связи, есть еще и нѣкоторая духовная связь у г. Абдуррахима со знаменитымъ имамомъ мюридовъ: однимъ изъ главныхъ наставниковъ Шамиля былъ отецъ г. Абдуррахима, очень извѣстный въ мусульманскомъ мірѣ Джемаледдинъ, преподававшій ему откровенія „тариката“. Въ силу этихъ отношеній Абдуррахимъ довольно близко стоялъ къ Шамилю и вмѣстѣ съ нимъ переживалъ многія перипетіи его трагической судьбы.

Съ любезнаго разрѣшенія г. Абдуррахима, мы позволяемъ себѣ привести содержаніе нашей бесѣды съ нимъ о Шамилѣ и лицахъ, такъ или иначе способствовавшихъ его

¹⁾ Его полное имя Сейдъ Абдуррахимъ Джемаледдинъ Хуссейнъ. Родился въ 1842 г. Послѣ вятія въ плѣнъ Шамиля и его семьи, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Калугѣ. Въ 1864 г. поступилъ въ Изюмскій гусарскій полкъ, а затѣмъ въ лейбъ-гвардію гусарскій, откуда, по ходатайству покорителя Чечни и Дагестана кн. Барятинскаго, зачисленъ въ конвой Его Величества, гдѣ прослужилъ 10 лѣтъ. Послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 г., въ которой принималъ участіе, будучи прикомандированъ къ закавказской дѣйствующей арміи, Абдуррахимъ сильно заболѣлъ и вынужденъ былъ оставить службу. Въ отставку вышелъ онъ съ чиномъ майора по кавалеріи, съ сохраненіемъ содержанія и правомъ носить форму и вооруженіе азіатскія. Въ настоящее время онъ живетъ почти безвыѣздно въ Казань-Кумухъ.

выдающейся исторической авантюры. Читатель, конечно, легко замѣтитъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя рассказчикомъ объ отцѣ своемъ, шейхѣ Джемалѣддинѣ, носятъ наполовину легендарный характеръ, изображая эту личность въ томъ видѣ, какъ она отразилась въ воображеніи народа. Подвергая обработкѣ имѣвшійся у насъ матеріалъ¹⁾, мы старались сохранять подлинныя выраженія повѣствователя, гдѣ это оказывалось возможнымъ.

„Родъ нашъ по отцу нашему, Джемалѣддину, какъ гласитъ преданіе, восходитъ къ сыну 4-го халифа (Али)-Хуссейну, рожденному отъ любимой дочери пророка Магомета, Фатиматъ. Потомству Фатиматъ, происшедшему отъ 2-хъ ея сыновей (упомянутаго Хуссейна, предка нашего, и брата его Гассана), на вѣчныя времена присвоенъ титулъ *сеидовъ*²⁾. Прибытіе въ Дагестанъ гуссейноваго рода, съ цѣлью распространенія тамъ ислама, преданіе относитъ къ VIII в., ко временамъ халифа Абу-Муслема. Съ тѣхъ поръ и вплоть до подчиненія Дагестана русскому владычеству³⁾, роду нашему всегда отчислялась $\frac{1}{4}$ изъ военной добычи; при Шамилѣ эта доля распределялась между 72 наличными членами нашего рода.

Стецъ мой, вышеупомянутый Джемалѣддинъ, снискалъ въ мусульманскомъ мірѣ славу ученѣйшаго человѣка и даже святого. Въ молодости онъ перебивалъ въ разныхъ мѣстахъ мусульманскаго Кавказа, приобрѣтая знанія наукъ и обычаевъ; онъ хорошо зналъ языки: арабскій, фарсійскій, татарскій, не говоря уже о многочисленныхъ языкахъ Дагестана. Еще юношей онъ поступилъ на службу къ хану кази-ку-

¹⁾ Нѣкоторыя дополнительныя данныя любезно были намъ сообщены г. Абдурахимомъ въ письмѣ.

²⁾ См. выше полный титулъ Абдурахима.

³⁾ 1859 г.

мыкскому и кюринскому Аслану, въ качествѣ его ближайшаго секретаря, при чемъ Асланъ пожаловалъ ему изъ своихъ собственныхъ имѣній три большихъ селенія. Когда же блескъ и пышность двора ханскаго стали ему въ тягость, онъ задумалъ все бросить и ѣхать къ шейху яраглинскому Магомету, чтобы послушать отъ него божественныхъ наставленій и принять *ахдъ* (тарикатскій объѣтъ). По дорогѣ случилось ему остановиться у одного очень бѣднаго, но добродѣтельнаго человѣка. При видѣ жалкой обстановки, въ которой теперь очутился Джемалѣддинъ, въ его душу стало закрадываться сожалѣніе о богатствѣ и роскоши, которыя онъ оставилъ позади себя. Тогда человѣкъ, пріютившій его, пристально взглянулъ на него и сказалъ, улыбаясь: «О Джемалѣддинъ, обрати свой взоръ сюда!» И, при этихъ словахъ, онъ положилъ свою руку ниже локтя на пылающій огонь. Когда же онъ принялъ ее, на ней не только не было слѣдовъ ожоговъ, но и волосъ ни одинъ не опалился. Джемалѣддинъ стоялъ объятый ужасомъ и, наконецъ, придя въ себя, воскликнулъ: «Что значить это чудо и откуда ты знаешь имя мое?!» — «О тебѣ предупредилъ меня еще вчера Ярагли-Магометъ, сказавъ мнѣ: къ тебѣ пріѣдетъ Джемалѣддинъ, и ты дашь ему ночлегъ въ своемъ домѣ и приведешь его ко мнѣ: ему надо принять отъ меня „ахдъ“. Онъ будетъ нашимъ послушникомъ, а впослѣдствіи шейхомъ и «устадомъ» (проповѣдникомъ) всему мусульманскому міру. Такова милость къ нему Аллаха!» Все такъ и случилось, какъ пророчествовалъ Ярагли. Скоро слава о святости новаго устада достигла отдаленныхъ предѣловъ Аравіи и Бухары. Многіе приходили къ нему брать священный тарикатъ, а кто не могъ самъ придти, сносился съ нимъ письменно. Впослѣдствіи къ Джемалѣдину явились Кази-мулла и Шамиль и, убѣдившись, что онъ истинный шейхъ, слушали отъ него наставленія въ шаріатъ и тарикатъ. Сначала наставникъ и его знаменитые

ученики жили въ разныхъ аулахъ, но съ 50-хъ годовъ всѣ трое жили вмѣстѣ: въ Дарго, Ведено и др. мѣстахъ.

Популярность Джемалѣдина увеличивалась съ каждымъ годомъ, что очень не нравилось Асланъ-хану. И вотъ однажды, когда вокругъ отца собралась большая толпа народа, шахъ потребовалъ отъ устада какого-нибудь чуда, въ противномъ случаѣ грозилъ его казнить, какъ возмутителя общественнаго спокойствія. Тогда Джемалѣдинъ сказалъ окружающимъ: «Возьмите лопаты и идите за мной!» Когда же пришли къ мѣсту, гдѣ со всего аула сваливались нечистоты, устадъ остановился и, отмахивъ жезломъ пространство въ 3 арш. длиною и 1½ шириною, сказалъ имъ: «Копайте здѣсь, и на глубинѣ 3 арш. вы найдете трупъ 16-ти лѣтней дѣвушки, много вѣковъ тому назадъ убитой за исламъ язычниками. Тѣло и саванъ ея не тронуты тлѣніемъ, а на груди хорошо еще видна рана отъ стрѣлы!» Стали копать и дѣйствительно нашли все такъ, какъ говорилъ устадъ. Ханъ былъ очень пристыженъ этимъ и оставилъ на время въ покоѣ моего отца. А между тѣмъ слава Джемалѣдина, послѣ описаннаго случая, еще болѣе возросла, и подозрительный ханъ сталъ видѣть въ немъ претендента на свое ханство. Тогда онъ вознамѣрился окончательно погубить отца. Зоветь онъ его къ себѣ въ гости, а вооруженнымъ кинжалами нукерамъ приказываетъ стать позади Джемалѣдина, чтобы, по данному знаку, заколоть его. Джемалѣдинъ принялъ приглашеніе, но, войдя въ кунакъ вѣроломнаго хана, простеръ къ нему руки и грозно сказалъ: «Чего еще ты хочешь отъ меня? Оставилъ ли ты когда-нибудь меня въ покоѣ?!» Тутъ ханъ растерялся и поспѣшилъ укрыться въ гаремъ. Ему почудилось, какъ признавался онъ впослѣдствіи, что изъ всѣхъ 10 пальцевъ Джемалѣдина исходитъ огонь, наподобіе молніи, а изъ-за плечъ показывается страшный драконъ, готовый поглотить хана. Нукеры, не понимая, что случилось, и не

получивъ условеннаго знака, не могли помѣшать Джемалѣддину благополучно вернуться домой. Сюдаже спѣшить, узнавъ о случившемся, любимая жена хана Умму-Гулсумъ и умоляетъ Джемалѣддина простить хана: онъ де общаетъ навсегда прекратить свои козни, въ знакъ чего просить принять нѣсколько кисетовъ ¹⁾ съ золотомъ для раздачи бѣднымъ его мюридамъ. Джемалѣдинъ принялъ этотъ даръ; однако, не довѣряя хану, въ вѣроломствѣ котораго успѣлъ теперь убѣдиться, переѣхалъ на житье въ Цудахаръ. Сюда не простиралась власть Аслана, такъ какъ цудахарцы считались вольнымъ народомъ, образу изъ себя какъ бы родъ независимой республики. Съ прибытіемъ Джемалѣддина изъ Цудахара и возникла та священная для мусульманъ война (газаватъ), что продолжалась почти непрерывно до 25 августа 1859 г., т. е. до плѣненія кн. Барятинскимъ Шамиля въ Гюнибѣ. Въ 1860 г. Джемалѣдинъ, съ разрѣшенія русскаго правительства, переселился въ Турцію. Султанъ охотно принялъ его въ свое подданство: ему назначено было пожизненное содержаніе въ 4,000 меджіѣ и разрѣшено жить, гдѣ пожелаетъ. Проживъ нѣкоторое время въ Стамбулѣ, онъ здѣсь и скончался, оставивъ 3-хъ сыновей на турецкой службѣ, другихъ же трое осталось въ Россіи, въ рядахъ русской кавалеріи. Изъ литературныхъ трудовъ Джемалѣддина особенно замѣчательны трактатъ, излагающій сущность тарикатскаго ученія, подъ названіемъ Абадуль-Марзіатъ, переведенный на русскій языкъ моимъ братомъ Абдуррахманомъ ²⁾.

¹⁾ Кисетъ вмѣщалъ около 25 голландскихъ червонцевъ.

²⁾ См. „Сборникъ свидѣній о кавказскихъ горцахъ“, II вым., 1869 г.; IV вым., 1870 г.

„Шамиль былъ отъ природы надѣленъ желѣзнымъ здоровьемъ, что всего лучше обнаружилось подъ Гимрами (1832 г.): проколотый насквозь въ грудь штыкомъ, онъ, послѣ трехмѣсячнаго лѣченія у тестя своего Абдулъ-Азиса, совершенно оправился. Вспоминая объ этомъ случаѣ, Шамиль говорилъ, что спасло его, вѣроятно, то обстоятельство, что штыкъ не задѣлъ легкаго, а только скользнулъ по немъ ¹⁾).

Воспитанный въ суровыхъ правилахъ тариката, Шамиль всегда былъ строгъ къ себѣ и окружающимъ: вина, напр., никогда не пилъ и строго наказывалъ своихъ подданныхъ за пьянство. Онъ не любилъ праздности и всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ: то дѣлами, то молитвой, то чтеніемъ. Вставалъ онъ рано, а ложился часовъ въ 9—10, совершивъ предварительно вечернюю молитву; но часа въ 2 утра опять вставалъ и молился вплоть до утренней зари. Въ пищу онъ не былъ прихотливъ, но все же предпочиталъ мѣстные блюда: хинкель (родъ галушекъ), вареное мясо и рыбу; два раза въ день—въ полдень и передъ сномъ—имѣлъ обыкновеніе пить чай; иногда позволялъ себѣ полакомиться шербетомъ или сокомъ гранатовымъ; въ походахъ же ѣлъ и пилъ все, что случится. Обладая характеромъ серьезнымъ, строгимъ, Шамиль не былъ чуждъ и многихъ мягкихъ чертъ. Такъ онъ былъ очень привязанъ къ семьѣ, дѣтей своихъ любилъ до обожанія, сердечно относился ко всякому доброму человѣку, ненавидѣлъ ложь, обманъ и терпимо относился къ иновѣрцамъ. Онъ щедро раздавалъ милостыню: его жазначею было настрого запрещено гонять отъ его дверей нищихъ. Шамиль рѣдко сердился: лишь явные нарушенія религіи и шаріата вызывали его справедливый гнѣвъ. Часто онъ бывалъ шутливъ и разговорчивъ, при чемъ любилъ бесѣдовать о военныхъ дѣлахъ, подвигахъ великихъ людей,

¹⁾ См. подробности въ статьѣ г. Захарьина „Встрѣча съ сыномъ Шамиля“, Русск. Старина, 1901 г., VIII, 375 стр.

о договорахъ и т. п. Историческія свѣдѣнія Шамиль черпалъ главнымъ образомъ изъ книги „Магази“, содержащей въ себѣ описаніе походовъ Магомета и его ближайшихъ преемниковъ. Иногда онъ собиралъ народъ на площади и проповѣдывалъ шаріатъ. Въ мирное время два раза въ недѣлю (понедѣльникъ и вторникъ) Шамиль лично принималъ жалобы отъ тяжущихся и давалъ по нимъ удовлетвореніе. Однако онъ не спѣшилъ съ приговоромъ. Онъ любилъ повторять, что правитель долженъ все знать, но быть очень осторожнымъ при опредѣленіи наказаній, дабы не обидѣть невиннаго. Вотъ почему, если дѣло бывало сложное, онъ предварительно навелъ черезъ наибовъ необходимыя справки. Въ наложеніи взысканій, Шамиль вообще слѣдовалъ шаріату, но, какъ имамъ, считалъ себя въ правѣ и усиливать степень наказанія. Напр., вмѣсто 40 ударовъ палкою по спинѣ—наказаніе, назначаемое шаріатомъ за пьянство,—велить, бывало, сбросить виновнаго со скалы въ пропасть или съ моста въ рѣку¹⁾. Такъ держалъ онъ людей въ страхѣ Божіемъ и не позволялъ шутить съ религіей. Однако преданность исламу не мѣшала ему быть вѣротерпимымъ: уважан другія религіи, Шамиль требовалъ, чтобы каждый его подданный—христіанинъ ли, еврей, могометанинъ—строго слѣдовалъ предписаніямъ своего закона, хотя, конечно, каралъ за проступки противъ религіи только своихъ единовѣрцевъ. За обыкновенныя же преступленія наказывалъ безъ различія вѣры и національности.

¹⁾ Шаріатъ устанавливаетъ слѣдующія наказанія: за пьянство бьютъ 40 разъ палкою по спинѣ, при чемъ палка должна быть толщею въ мизинецъ, а длиною въ локоть (не считая рукоятки); за оскорбленіе словомъ—80 ударовъ; за прелюбодѣяніе—100 ударовъ, лишь въ томъ случаѣ, если участники его не связаны узами брака; въ противномъ случаѣ—виновные побиваются камнями, при чемъ камень не долженъ быть больше куриного яйца.

Задумавъ придать своимъ полудикимъ владѣніямъ видъ государственнаго благоустройства, Шамиль старался отовсюду привлекать къ себѣ людей, которые могли бы быть ему полезными на разныхъ поприщахъ. Такъ, напр., лезгинъ-кузнецъ изъ Унцукули Джебраилъ, выучившійся литейному дѣлу на службѣ у египетскаго хедива, лилъ пушки для Шамиля, при чемъ, за недостаткомъ матеріала, шла въ дѣло мѣдная посуда. Своего свинца не было, такъ мы выкапывали изъ земли русскія пули, или же тайно провозили изъ-за русской границы. Въ последнемъ случаѣ пользовались еще слѣдующимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ: брату моей мачехи Измаилу и одному кази-кумуху Мусѣ разрѣшено было Шамилемъ и русскимъ правительствомъ ѣздить въ пограничныя русскія укрѣпленія (Грозный, Хасахъ-юртъ и др.), для выкупа и обмѣна плѣнныхъ; эти-то лица и ухищрялись скупать, подъ рукой, свинецъ, желѣзо, сталь и др., а ночью на выюкахъ переправляли подъ конвоемъ черезъ границу. Впрочемъ предосторожности нужны были только для военныхъ припасовъ, комиссаріатскіе же предметы (каковы: сахаръ, кофе и т. п.), а равно и красный товаръ, не запрещалось ввозить въ какомъ угодно количествѣ.

Изъ своихъ помощниковъ Шамиль одно время особенно отличалъ Юсуфа-Гаджи, инженера изъ арміи того же египетскаго хедива. Въ качествѣ хорошаго инструктора и инженера, Юсуфъ помогъ Шамилю создать регулярное войско (низамъ) и возвелъ много укрѣпленій. Однако впоследствии были обнаружены сношенія Юсуфа съ непріателемъ и Шамиль хотѣлъ его казнить, но отецъ мой Джемаледдинъ своимъ заступничествомъ спасъ ему жизнь, и дѣло кончилось лишь конфискаціей имущества и ссылкой Юсуфа въ сел. Акнода ¹⁾, откуда ему удалось бѣжать на русскую

¹⁾ С. Акнода считалось шамилевской Сибирью.

лінію, въ Грозную¹⁾). Бѣглыхъ и плѣнныхъ Шамиль лично испытывалъ, къ чему кто способенъ, и потомъ уже опредѣлялъ: кого кузнецомъ, кого артиллеристомъ или механикомъ; болѣе смысленымъ и надежнымъ довѣрялъ даже завѣдываніе пороховыми заводами, шорнями, ремонтомъ конницы и др. Такихъ всельниковъ набралось у насъ достаточно, такъ что изъ нихъ Шамиль образовалъ даже цѣлое селеніе, рядомъ съ Ведено. Русскихъ крестьяночекъ или казачекъ, отбившихся отъ своего родного гнѣзда, онъ посылалъ въ это селеніе и онѣ вольны были выбрать тамъ себѣ мужей, при чемъ одинъ изъ поселенцевъ, по общему избранію, исполнялъ при вѣнцѣ обязанности священника. Если же кто изъ этого пришлаго люда соглашался принять исламъ, то такому предоставлялось право жениться на мусульманкѣ. Малоспособныхъ изъ числа плѣнныхъ Шамиль прикомандировывалъ къ какому-нибудь бѣдному мюриду, въ качествѣ работника, при чемъ ихъ должны были содержать какъ членовъ семьи, т. е. кормить, одѣвать и пр.

На войнѣ Шамиль обнаруживалъ изумительную распорядительность и находчивость: самъ лично входилъ во всякую мелочь; гдѣ нужно, понуждалъ, а гдѣ нужно, каралъ; зорко слѣдилъ онъ за всѣми дѣйствіями. Если случалось, что кто-нибудь изъ начальниковъ обнаружить малодушіе или трусость, такихъ онъ передъ рядами своихъ вѣрныхъ мюридовъ лишалъ начальства и обращалъ въ рядовыхъ: и они дрались потомъ, какъ львы, или умирали честной смертью впереди другихъ, чтобы загладить свою вину передъ имамомъ и смыть позорящее пятно.

Посылая письменныя приказанія подчиненнымъ лицамъ и при дипломатическихъ сношеніяхъ, Шамиль избѣгалъ под-

¹⁾ Срав. „Сборникъ свѣдѣній о кавказ. горцахъ“, вып. VII, ст. Гаджи-Али, стр. 22.

писывать свое имя, а обыкновенно заставлялъ кого-нибудь изъ близкихъ скрѣплять акты своей именной печатью. На этой печати стояли имена 7 святыхъ, о которыхъ сказано въ алькоранѣ, что они бѣжали отъ преслѣдованія царя вавилонскаго и нашли убѣжище въ одной пещерѣ¹⁾; имъ сопутствовала ихъ вѣрная собака Китиръ; ея имя тоже стоитъ на печати, а ниже—Абдугу Шамуиль, т. е. слуга божій Самуиль (или Шамиль)“.

О гунибскомъ сидѣннѣ Абдуррахимъ, какъ очевидецъ и участникъ событія, передалъ намъ слѣдующія, не лишеныя интереса, подробности.

„Когда съ потерей Ведена, главной резиденціи Шамиля, ему пришлось укрыться, съ четырьмя сотнями вѣрныхъ мюридовъ, на Гунибской площади, онъ не считалъ своего дѣла еще потеряннымъ. 26 іюля 1859 г. пришли мы сюда съ Шамилемъ (при немъ была и семья), а черезъ недѣлю подошелъ кн. Барятинскій и окружилъ Гунибъ со всѣхъ сторонъ. На первое предложеніе сдаться, Шамиль велѣлъ своему зятю Абдуррахману написать такой отвѣтъ:

„Рука смочена, шашка вынута, а помощь только отъ Бога!“

Первый приступъ русскіе сдѣлали 24 авг., въ часъ ночи. Этому нападенію имамъ однако не придавалъ значенія: онъ его считалъ фальшивымъ, ходилъ среди насъ и всячески успокаивалъ. За тотъ пунктъ, на который теперь направились дѣйствія непріятеля, онъ не опасался: единственно, чего онъ боялся—быть обойденнымъ стлыу, такъ какъ эта мѣстность была почти не защищена²⁾ и удалена отъ главныхъ силъ на 12 вер. На слѣдующій день (это было 25-ое

¹⁾ Вотъ имена этихъ 7 святыхъ: Ямлиха, Максалина, Маслина, Марнушъ, Добарнушъ, Шазанушъ, Капаштатюшъ.

²⁾ Говорили, что здѣсь находилось всего 10 мюридовъ.

авг.) приступъ возобновился съ 8 час. утра. Событія этого рокового дня сильно врѣзались въ мою память.

Мы находились въ мѣстности превосходно защищенной естественными условіями и всѣми имѣвшими у насъ средствами Шамиль старался сдѣлать ее еще болѣе неприступной. Но нашъ противникъ имѣлъ громадное надъ нами преимущество: въ его распоряженіи имѣлась артиллерія, а у насъ ея не было, если не считать 4-хъ пушекъ, изъ которыхъ одна только была исправная, да и та была чугунная и безъ колесъ, такъ что ея нельзя было направлять на непріятеля. Когда въ ней миновала надобность, мы ее сбросили съ кручи, и при своемъ паденіи она убила до 15 русскихъ солдатъ. Пушки же Бяратинскаго принадлежали къ типу горной артиллеріи и были малаго калибра: онѣ, правда, мало причиняли вреда нашимъ укрѣпленіямъ, но зато производили сильныя опустошенія среди мюридовъ. За неимѣніемъ артиллеріи, мы сыпали въ непріятеля градомъ камня, который намъ въ изобиліи подносили женщины и дѣти.

Съ большимъ одушевленіемъ боролась горсть защитниковъ Гуниба. Много присутствія духа обнаруживали въ эти часы и наши женщины. Такъ одна, напр., то была еврейка-мусульманка Зейнобъ (изъ плѣнницъ), жена Юнуса, бывшаго казначея Шамиля—надѣла на голову чалму и въ такомъ видѣ ходила съ обнаженной шашкой по улицамъ аула и возбуждала мужчинъ къ бою. Раньше она прославилась тѣмъ же при Ахульго (1839 г.). Приходить на память и еще одна, болѣе скромная, героиня, родомъ изъ сел. Черкей. Имени ея, къ сожалѣнію, не помню. Ея мужъ, Бецовъ¹⁾ Исмаилъ, и оба сына были въ бою; положеніе съ минуты на минуту становилось все тревожнѣе, а она, какъ ни въ чемъ не бывало, хлопотала возлѣ очага и варила «хинкаль», чтобы было чѣмъ воинамъ поддержать свои си-

¹⁾ Бецовъ-сѣпой.

лы, когда вернутся съ кроваваго боя. Мужъ ея палъ, но оба сына дѣйствительно вернулись невредимыми, спасшись отъ плѣна почти чудеснымъ образомъ: они нашли по близости нещеру и въ ней скрывались до вечера, а вечеромъ незамѣтно прокрались къ своимъ.

Трудность нашего положенія увеличивалась крайнимъ недостаткомъ продовольствія: никакихъ предварительныхъ заготовокъ не было сдѣлано, такъ какъ никому и въ голову не приходило, что придется такъ поспѣшно укрываться на Гунибѣ. Питались мюриды, какъ птицы небесныя. Я, напр., семеро сутокъ ѣлъ только клубнику да поджаренные колосья пшеницы. Отъ такой пищи я заболѣлъ холериной и едва не умеръ. Удивляюсь, откуда только брались у насъ силы для такихъ, напр., горячихъ схватокъ, какъ дѣло на ручьѣ, протекающемъ черезъ аулъ Гунибъ: мутныя волны этого ручья побагровѣли отъ крови, а берега были устланы 200-ми труповъ (нашихъ и ширванцевъ). Но всему приходитъ конецъ...

Къ 2 ч. дня кн. Барятинскій, не желая болѣе длить кровопролитія и щадя нашихъ женщинъ и дѣтей, прислалъ своихъ парламентеровъ. Къ этому моменту у Шамиля оставалось изъ 400 мюридовъ не болѣе 70 (населеніе Гуниба еще раньше покорилось побѣдителю).

Однако Шамиль и на этотъ разъ заупрямился и не пожелалъ даже выслушать хорошенько посланнаго. Тогда старшій сынъ Шамиля, Бази-Мухаммедъ ¹⁾ сказалъ имаму:

¹⁾ Отпущенный въслѣдствіи на поклоненіе къ Мекку Казн-Мухаммедъ уже не вернулся въ Россію и живеть въ настоящее время эмигрантомъ въ Меккѣ. Другіе источники готовы видѣть въ совѣтъ, подсказанномъ простымъ благоразуміемъ, намѣну со стороны Казн-Мухаммеда. См., напр., у Гаджи-Али въ цитованномъ выше сочиненіи. Тамъ-же о рѣшеніи Шамиля не сдаваться говорится такъ: Шамиль приготовился защищаться, положивъ передъ собой шашку и ваткувъ полы за поясъ. Онъ рѣшился умереть и сказалъ: „мы должны сражаться, а не говорить мѣй, чтобы я шелъ къ главнокомандующему. Я хочу сражаться и умереть въ этотъ день“.

«Подожди, дослушаемъ, что́ они хотять намъ предложить». Такъ завязались переговоры, и въ 4 часа пополудни произошла сдача Шамиля. Онъ просилъ при этомъ не снимать съ него оружія, не разлучать съ семьей и отпустить на поклоненіе въ Мекку. Первые двѣ просьбы имама кн. Барятинскій охотно исполнилъ, а о третьей общалъ ходатайствовать передъ Государемъ, такъ какъ своей властью князь не въ правѣ былъ дать разрѣшенія; однако увѣрялъ, что Государь не откажетъ въ его просьбѣ.

Послѣ сдачи, Шамиль тотчасъ же съ семьей былъ препровожденъ въ русскій лагерь, находившійся въ Кегеръ-дагъ. Здѣсь кн. Барятинскій на парадѣ поздравилъ войска съ знаменательнымъ событіемъ и роздалъ имъ тѣ 10,000 р., которые были обѣщаны за голову Шамиля. Затѣмъ плѣннаго имама, со всѣмъ его семействомъ и 3-мя нукерами, препроводили въ Шуру, гдѣ онъ проболѣлъ, послѣ испытанныхъ потрясеній, 10—12 дней. Когда же онъ оправился, то его повезли вмѣстѣ со старшимъ сыномъ Кази-Магомю, въ Петербургъ, при чемъ кн. Барятинскій прислалъ ему въ даръ отъ себя шубу чернаго медвѣдя стоимостью въ 3,000 руб. и подарки женамъ, дочерямъ и невѣсткамъ (часы, броши, кольца и др. женскія украшенія). Насъ же, мужчинъ, родственниковъ Шамиля, заново обмундировали, и тогда впервые мы могли стряхнуть съ себя, вмѣстѣ съ боевымъ пыломъ, и ту не поддающуюся описанію грязь, которая наслаялась на насъ въ теченіе 5—6 мѣс., протекавшихъ со времени паденія Ведена¹⁾. На этотъ разъ плѣннаго имама сопровождали, кромѣ 2-хъ нукеровъ, секретарь и полковникъ (въ качествѣ переводчика). Государь въ это время былъ на маневрахъ подѣ

¹⁾ Достаточно сказать, что насъ просто ваѣдали вши, такъ какъ у насъ не было лишняго бѣлья для перемѣны. Хотя у насъ и были деньги, но негдѣ было купить самыхъ необходимыхъ вещей.

Чугуевомъ¹⁾, и здѣсь впервые былъ представленъ ему Шамиль. По прибытіи въ Петербургъ, онъ былъ принятъ и обласканъ Государыней Маріей Александровной. Бывшему властителю полудикаго Кавказа здѣсь были показаны сокровища европейской культуры и достопримѣчательности столицы, а черезъ двѣ недѣли онъ былъ водворенъ въ Калугу, избранной мѣстомъ его, безвыѣзднаго пребыванія. Черезъ 2—3 мѣс. послѣ того, на Кавказъ былъ присланъ фельдъегерь съ сыномъ Шамиля, съ предписаніемъ доставить туда же и всю семью имама.

Когда впослѣдствіи (1870 г.) Государю благоугодно было отпустить «на честное слово» Шамиля въ Мекку съ семьей²⁾, мнѣ разрѣшено было сопровождать его до Истамбула³⁾; у моей же мачехи онъ и остановился, уклонившись отъ предложенія занять приготовленные для него апартаменты при русскомъ посольствѣ. Однако домъ моей мачехи оказался тѣснымъ для многочисленной семьи Шамиля (тутъ были и жены, и дочери, и зятья), а потому, по распоряженію турецкаго правительства, для него была снята помѣстительная квартира. Предварительно наведены были точныя справки, сколько расходовало на Шамиля русское правительство; въ такихъ же размѣрахъ стали отпускать и здѣсь, а именно: 6,000 р. на наемъ помѣщенія и 15,000 р. на содержаніе. Кромѣ того, къ услугамъ Шамиля и его семьи были предоставлены двѣ коляски, сопровождавшіяся двумя жандармскими офицерами. Несмотря на всѣ эти знаки вниманія, Шамиль однако не торопился съ аудіенціей у падишаха. Онъ говорилъ: «Что же, если прикажетъ, явлюсь къ султану». Наконецъ, торжественно-

¹⁾ То были, кажется, двухсторонніе маневры, ок. 15 сентября.

²⁾ За исключеніемъ 2-хъ сыновей: Каан-Мухаммеда, проводившаго отца до Одессы, и Магомета-Шефи, уже служившаго тогда въ конноѣ Его Влччества. Захарьинъ, *ibidem*, стр. 383.

³⁾ Турецкое названіе Константинополя.

ная аудіенція состоялась, по желанію Абдулъ-Меджида. Когда имамы обѣнялись обычными привѣтствіями и облобызали другъ у друга руки, султанъ въ умиленіи воскликнулъ: «Ты, Шамиль, для меня, какъ мой отецъ Махмудъ!». Погостивъ въ Истамболѣ, Шамиль продолжалъ путь къ намѣченной цѣли: султанъ далъ ему бесплатно пароходъ и возложилъ на египетскаго хедива почетную обязанность сопровождать его до Джедды; далѣе же до Мекки сопровождалъ его меккашерифъ. Хотя пребываніе Шамиля должно было быть здѣсь только временнымъ, тѣмъ не менѣе на средства турецкаго правительства для него былъ купленъ дворецъ за 9,000 турецкихъ лиръ¹⁾.

Но не долго прожилъ здѣсь Шамиль, и не суждено ему было вернуться обратно въ Россію, во исполненіе слова, даннаго Государю: онъ умеръ въ Меккѣ 4 февраля 1871 г.²⁾“.

Сообщ. С. Шулгинъ.

1901 г.

¹⁾ Вѣрнѣе—этотъ дворецъ купленъ не въ Меккѣ, а въ Мединѣ.

²⁾ О смерти Шамиля мы находимъ слѣдующія подробности въ не разъ цитованной нами статьѣ г. Захарьина, почерпнутыя авторомъ изъ устъ сына Шамиля Магомета-Шефа.

„Имамъ, удачно совершивъ, въ 1870 г., свое первое путешествіе изъ Медины въ Мекку, пожелалъ, въ концѣ января 1871 г., поѣхать туда помолиться еще разъ. Такъ какъ онъ былъ отъ многихъ ранъ и преклонныхъ лѣтъ очень слабъ и не могъ уже ѣхать верхомъ, то ему было приспособлено особое сидѣнье-стулъ, укрѣпленное между двумя верблюдами, которыхъ и долженъ былъ вести ровнымъ шагомъ особый поводарь. Случилось, что въ первую же ночь по выѣздѣ изъ Медины, поводарь не досмотрѣлъ какъ-то, и одинъ изъ верблюдовъ шагнулъ впередъ другого, вслѣдствіе чего одинъ конецъ сидѣнья сорвался съ горба подвинувшагося впередъ верблюда, и старикъ Шамиль упалъ на землю и сильно разшибся. Караванъ тотчасъ же вернулся въ Медину, гдѣ вскорѣ Шамиль скончался. Онъ былъ похороненъ въ Мединѣ же на кладбищѣ Джаннатъ-Эмъ-Баки“.